

Мартагер Кристианер
(рецензент)

Шуберт не сдался

Зачем «Прекрасной мельничихе» понадобился Театр армии

Москва, ноябрь 2003 г. 14 июля 2003

Фестиваль

На Пятом международном театральном фестивале имени Чехова цюрихский театр «Шаушпильхаус» показал спектакль культового европейского режиссера Кристофа Марталера «Прекрасная мельничиха». Два с половиной часа знаменитый немец делал с музыкой Франца Шуберта (в основе постановки – вокальный цикл композитора) все, что хотел, но так и не смог ее победить.

Спектакль, в котором участвуют двенадцать актеров (из них только четыре – музыканты, хотя все поют), идет в декорациях другой постановки «Шаушпильхауса» – «Гостиница страха». Возможно, это сделано ради экономии – пресса писала о том, что Марталер досрочно разрывает свой договор с театром, недовольный скудным финансированием, но, скорее всего, из концептуальных соображений. Дивные мелодии великого романтика звучат в беззвучно-безликих интерьерах тридцатых годов прошлого века (зачем гостям и понадобилась огромная сцена Театра армии), да к тому же в исполнении актеров, превращенных волей режиссера в жалких и убогих существ. На сцене – огромная супружеская кровать, ставни на окнах, за которыми обнаруживаются полупорнографические картинки, столовая с посудой. Вместо прекрасной природы, трогательно воспеваемой Шубертом и поэтом Вильгельмом Мюллером, – чучела птиц, вместо сказочных охотников и мельничих – две толстозадые фройляйн, которые то и дело задирают юбки, охотно демонстрируя белые панталоны образца тех же тридцатых, толстый тенор, смешная дама, напоминающая провинциальную оперную примадонну, и группа мужчин, выполняющих сложные акробатические трюки: переплетение ног стоя и падение вдвоем с высокой лестницы. Поют бедняжки тоже в непростых условиях: или так, что из некоего подобия конуры торчит лишь одна голова артиста, или в пластиковый стаканчик. А исполнитель любовной песни, видно, от избытка чувств вообще издает странные звуки, веселящие зал.

Не заметить при этом, что большинство мизансцен спектакля остроумны и артистичны, – значит быть слепым. Не задуматься о причинах того, что именно заставило режиссера так обойтись с Шубертом, тоже невозможно. Марталер прославился спектаклем «Убий европейца...» на сцене берлинского театра «Фольксбюне», и с тех пор тема заката культуры, необратимых изменений вокруг и внутри человека не отпускает его. Он готов над всем смеяться и все выворачивать наизнанку: в кульминационный момент музыкального номера рояль уплывает от исполнителя – его уносят на себе те, кто мирно дремал под ним. В другой раз на рояль взбирается одна из фройляйн и зажигательным танцем сводит на нет все усилия пианиста. Откровенная эротика, по-немецки грубоватая, соседствует со стихами о болезнях и смерти, боли и разлуке. Куда уж тут всем этим ручейкам, цветочкам и светловолосым барышням, по которым вздыхают нежные кавалеры, из цикла «Прекрасная мельничиха»? Над ними и в самом деле можно только посмеяться. Но нет – звуки фортепиано и слаженное пение берут свое, и постепенно среди уродливого мира сексуально озабоченных опустившихся существ возникают музыкальные паузы, моменты просветления и гармонии, особенно прекрасные на фоне культивируемого на сцене убожества.

Марталер – музыкант по образованию и очень талантливый человек, что сыграло решающую роль в музыкальной составляющей постановки. Мелодии Шуберта и человеческие голоса в итоге оказались сильнее и некой тотальной спячки на сцене (артисты то и дело падают наземь, сморенные сном, надо думать, от классической музыки и старых сюжетов), и даже торжественного парада обнаженных мужских тел, к слову сказать, не самых красивых. К тому же в финале все двенадцать актеров проникновенно поют Баха – а сцена медленно погружается во мрак. Надо ли при этом хоронить заодно и культуру, и цивилизацию, как трактуют некоторые театроведы марталеровские сюжеты, каждый решает самостоятельно. Как и то обстоятельство, много ли удовольствия доставляет такой театр зрителю.

Нина АГИШЕВА

Слаженное пение в «Прекрасной мельничихе» берет свое

